

Купеческий род Скрябиных

Ряды предпринимателей Урало-Сибирского региона начиная со второй половины XIX в. нередко пополнялись выходцами из Вятской губернии. Так, состав екатеринбургского купечества во второй половине XIX — начале XX в. дополнили 29 переселенцев из Вятского края. Среди них были представители разных уездов Вятской губернии. Доминировали представители Слободского, Орловского, Вятского и Яранского уездов. «Слободской уезд был представлен семью переселенцам (М. А. и Н. А. Ворожцовы, П. И. Князев, В. И. и И. И. Логиновы, В. С. Пестов, В. Н. Скрябин), Орловский уезд — шестью (Д. П. Бобров, В. С. и Я. В. Вагановы, Т. Н. Жданов, Я. П. Разсохин, В. Г. Сырчин). Вятский уезд был представлен пятью переселенцами (Я. В. Алашин, Г. М. Александров, М. М. Редников, Я. Д. Суторихин, С. П. Широков), Яранский также пятью (В. Ф. и П. Ф. Бебенины, А. И. и М. И. Костромитиновы, Ф. Я. Топоров). Четверо екатеринбургских купцов были выходцами из Сарапульского уезда (А. Т. Заварзин, Я. Я. Камнадский, А. А. Коробейников, П. Е. Ципляев), трое являлись переселенцами из Елабужского уезда (В. Я. Атаманов, Ф. П. и П. П. Досмановы), один в прошлом был жителем Уржумского уезда (А. С. Шаров)»¹.

Упомянутый в приведенном выше перечне Василий Николаевич Скрябин являлся представителем второго поколения семейства Скрябиных, которое перебралось на жительство из Вятского края в Пермскую губернию. Мотивы, толкнувшие мещанина г. Слободского Николая Клементьевича Скрябина навсегда покинуть родной край, неизвестны. Однако есть данные, свидетельствующие, что дела Скрябиных в конце 1840-х — начале 1850-х гг. шли не очень хорошо. В 1849 г. Н. К. Скрябин задолжал обществу банку и поэтому мог лишиться своего дома. Об этом факте имеется соответствующая публикация в местной прессе: «От Слободского городского общественного Анфилатова банка объявляется, что по случаю неплатежа на срок тамошним мещанином Николаем Клементьевым Скрябиным должных банку по векселю денег 150 руб. сер[ебром], осеквестировать принадлежащий ему деревянный дом со службами, состоящий в предместье г. Слободского в слободе Демьянка на выгонной земле, оцененной в 80 руб. сер[ебром], который и предположено продать в присутствии того банка с публичного торга»².

Вполне вероятно, что подобные неприятные обстоятельства заставили Скрябина искать выход из сложившейся тяжелой ситуации, и он увидел его в переселении в Пермскую губернию, в которой имелись неплохие возможности для предпринимательства. С конца 1850-х гг. фамилия Скрябиных начинает упоминаться в деловой хронике Екатеринбургского и Шадринского уездов Пермской губернии. Обосновавшись на Среднем Урале, Николай Скрябин не спешил ни со сменой статуса, ни с изменением места приписки: по меньшей мере до 1859 г. он оставался мещанином г. Слободского. В самом начале этого года Скрябин получил вызов в Пермскую палату

уголовного и гражданского суда, причем в тексте вызова он назван слободским мещанином.

Любопытно, что в данном документе упоминается жена Скрябина — Елизавета Федоровна, дочь екатеринбургского унтер-шихтмейстера Федора Федорова³. То есть Николай Скрябин в 1859 г. был жителем Екатеринбургa и вдобавок был женат на местной уроженке. Однако когда в начале 1860-х гг. Николай Скрябин стал переписываться из мещанского сословия в купеческое, он сделал это не в Екатеринбурге, а в Шадринске. Впрочем, в шадринских купцах 3-й гильдии он пребывал недолго, не более трех лет.

27 декабря 1863 г. Скрябин со всем семейством переписался в екатеринбургское купечество, став купцом 2-й гильдии. К этому моменту у него в Екатеринбурге имелось некое торговое заведение⁴. С середины 1860-х гг. Николай Клементьевич все реже упоминается в деловой хронике Среднего Урала. По-видимому, он отошел от дел, уступив место сыновьям, которых у него было по крайней мере трое — Василий, Гавриил и Михаил.

Василий Николаевич Скрябин долгое время находился при капитале отца, успев побывать шадринским и екатеринбургским купеческим сыном. Начав свое дело, Василий Скрябин в 1867 г. приписался в далматовские купцы 2-й гильдии и пребывал в этом статусе по меньшей мере до конца 1880-х гг. В дальнейшем он числился далматовским мещанином. К концу 1860-х гг. В. Н. Скрябин проявил интерес к золотопромышленности. Правда, на первых порах он довольствовался ролью доверенного других золотопромышленников. Так, в 1870 г. он был доверенным екатеринбургского золотопромышленника А. А. Дрозжилова.

Присмотревшись к делу и собрав стартовый капитал, В. Н. Скрябин взялся за самостоятельную разработку золотых приисков. 10 января 1875 г. он получил дозволительное свидетельство «на поиски и разработку золотых россыпей на землях Оренбургского казачьего войска, башкирских и казенных, в губерниях, к Уральской горной области принадлежащих»⁵. Ведя добычу золота, Василий Скрябин шел проторенным путем: по примеру других золотопромышленников он ряд приисков оформил на свое имя и сам их разрабатывал, другие же брал в аренду. Так, в самом начале 1879 г. главный начальник Уральских горных заводов сообщил заинтересованным лицам, что «золотопромышленник, далматовский купец Василий Николаев Скрябин 23 ноября 1878 года заявил Верхотурскому уездному полицейскому управлению золотосодержащую местность по речке Мостовой, ниже деревни Мостовой Верхотурского уезда в 8 верстах на ее правой стороне»⁶.

Несколько позже Скрябин продемонстрировал другой способ получения приисков. 15 января 1885 г. он взял в аренду Мраморный, Васильевский и Медоедский золотые прииски, находившиеся в Верхотурском уезде и принадлежавшие верхотурской мещанке П. С. Кузнецовой и наследникам верхотурского купца С. Я. Любимова. Срок аренды был недолгим — один год и два месяца. Скрябин обязался платить владельцам приисков по 800 руб. в год⁷. Иногда Василий Скрябин участвовал в торгах на прииски, проводившиеся в Уральском

горном управлении. Например, 7 февраля 1886 г. он купил на торгах два прииска: Успенский за 110 руб. и Андреевский за 100 руб.⁸

Долгое время Скрябин занимался исключительно добычей золота, а позднее к ней добавилась разработка платиновых приисков. И тем и другим Василий Николаевич занимался до конца 1890-х гг. Так, 24 октября 1892 г. далматовский мещанин В. Н. Скрябин заявил золотосодержащую местность «в Монетной казенной даче, по системе реки Адуя, от села Мостовского около 20 верст, между приисками Спасским Скрябина и Первоначальным Степанова»⁹. В 1897 г. он стал участником Кушвинского съезда золотопромышленников, а годом позже приобрел два прииска (Васильевский и Многострадальный) в Восточно-Екатеринбургском округе. О дальнейшей его жизни и деятельности надежных сведений пока не выявлено.

Предпринимательская деятельность Михаила Николаевича Скрябина (ок. 1840 — ?) оказалась довольно короткой. Он тоже побывал шадринским и екатеринбургским купеческим сыном, позднее став екатеринбургским купцом 2-й гильдии. Специализировался М. Н. Скрябин на разработке золотых и платиновых приисков, причем этим же занималась его вторая супруга, Августа Андреевна. Первая его жена, Ольга Васильевна (ок. 1842 — 1864) умерла от оспы совсем молодой¹⁰. Горевал М. Н. Скрябин недолго: 8 ноября 1864 г. он женился на мещанской дочери Августе Андреевой Евдокимовой¹¹. А. А. Скрябина не раз отметилась на ниве добычи золота.

Какое-то время дела у М. Н. Скрябина шли вполне неплохо: он добывал немало золота и платины, как самостоятельно, так и вместе с компаньонами. Однако в 1880-е гг. над ним стали сгущаться тучи. Чиновники Уральского горного управления заподозрили его в мошенничестве и организовали проверку приисков, при этом было выявлено неправильное ведение так называемых приисковых шнуровых книг. Кроме того, проверяющими были выявлены факты скупки Скрябиным золота и платины у посторонних лиц.

Было проведено предварительное следствие, после которого дело было передано в Екатеринбургский окружной суд. Судебное заседание состоялось 1 февраля 1888 г. М. Н. Скрябин виновным себя не признал, на его полной невиновности настаивал и его адвокат, присяжный поверенный С. А. Бибииков. Однако ни чиновники окружного суда, ни присяжные заседатели к аргументам адвоката не прислушались. Приговор в отношении Михаила Николаевича был суровым. Суд решил: «...по лишению всех особенных лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ, сослать на жительство в Томскую губ., с воспрещением всякой отлучки из места, которое будет назначено ему для жительства, в продолжении двух лет и потом в другие губернии и области Сибири — в продолжении четырех лет, и сверх сего лишить его права на все принадлежащие ему прииски»¹². О дальнейшей судьбе М. Н. Скрябина данных нет.

Среди представителей второго поколения рода Скрябиных наиболее успешным предпринимателем оказался Гавриил Николаевич Скрябин (ок. 1844 — 19.05.1914), прочно осевший в Екатеринбурге. Впервые он появился в негласной столице Урала в 1860 г., числясь на этот момент шадринским купеческим сыном. В 1863 г. он превратился

в екатеринбургского купеческого сына, а позднее обрел статус екатеринбургского купца 2-й гильдии, каковым оставался до своей смерти.

Начав собственное дело, Гавриил Скрябин также обратил внимание на золотопромышленность. 29 ноября 1876 г. он получил от Уральского горного управления дозволительное свидетельство на поиски и разработку золотых россыпей на землях ОКВ, башкирских и казенных, в губерниях, к Уральской горной области принадлежащих¹³. Уже в 1877 г. Скрябин начал разрабатывать два золотых прииска в Кушвинской казенной даче, позднее он сдал их в аренду. Одновременно Гавриил Николаевич не упускал возможности поработать на других золотопромышленниках. В 1878 г. он искал золото по доверенности екатеринбургского купца М. В. Бородина, в 1884 г. занимался поисками золота по поручению золотопромышленника П. А. Сапожникова. Аналогичные операции он производил по просьбе близких родственников — брата Михаила и сестры Анны (в замужестве Залесовой). В частности, в 1883–1884 гг. он заявил ряд золотосодержащих площадей в Каменской и Монетной дачах на имя крестьянки А. Н. Залесовой и купца М. Н. Скрябина.

Для уральской золотопромышленности острая конкуренция дело вполне обыденное, причем она нередко находила выражение во взаимных обидах и претензиях, а также в судебных процессах. Не избежал этой участи и Гавриил Николаевич. В частности, у него возник спор с екатеринбургскими купцами Тарасовыми. Сначала их взаимные претензии разбирал Екатеринбургский окружной суд, а затем к делу подключился уголовный департамент Казанской судебной палаты, который 16 сентября 1885 г. рассмотрел апелляционную жалобу Скрябина «на решение Екатеринбургского окружного суда по иску Скрябина к купеческому сыну Петру Иванову Тарасову — о золотосодержащей местности»¹⁴. К сожалению, результат судебной баталии неизвестен.

Гавриил Николаевич Скрябин время от времени действовал вместе со своими братьями. В 1880-е гг. они дружно пополнили ряды уральских рыбопромышленников и рыботорговцев. Внимание Скрябиных привлекли озера на территории Кыштымского горного округа. Воспользовавшись тем, что прежний арендатор ликвидировал свои дела, Скрябины в 1885 г. сумели получить в аренду оз. Иртяш, а также группу ближайших к нему озер, в основном небольших. Для организации рыбной ловли была создана фирма «Скрябины и К^о», полный состав членов которой остается неизвестным. Однако можно с уверенностью утверждать, что Василий и Гавриил были среди ее членов и руководителей.

В 1886 г. Скрябины и их компаньоны приступили к ловле рыбы и ее сбыту, в основном в Екатеринбурге. Рыбная ловля принесла Скрябиным не только прибыль, но и массу критики, причем с разных сторон. Вокруг озер Кыштымского горного округа шли постоянные споры, в которых участвовали многие, в том числе действующие и потенциальные рыбопромышленники, а также местные башкиры, рабочие и служащие Кыштымского округа. Споры нередко выливались в драки и целые сражения.

Многих бесили действия сторожей, нанятых Скрябиными и другими рыбопромышленниками. Эти наемные охранники, пресекавшие

незаконную рыбную ловлю, порой действовали крайне жестко, что и вызывало нарекания. Местное население называло их «сгонщиками» за то, что сторожа сгоняли с озер любого рыбака, независимо от того, чем тот вел лов рыбы — неводом или удочкой. В прессе не раз появлялись статьи, в которых сторожам давалась самая нелестная оценка. В одной из них автор писал: «Ваши, г. С., сгонщики скорее могут быть названы представителями какой-нибудь разбойничьей банды, безнаказанно совершая насилия и самоуправства над беззащитными рыболовами, с остервенением врываясь в дома, где не стесняются даже бить женщин»¹⁵.

Скрябиным приходилось оправдываться и открещиваться от действий своих сторожей, но при этом они не упускали возможности указать на неправильность действий местных жителей, промышленявших рыболовством. Любопытно, что Скрябины, получившие скромное домашнее образование, полемизируя с критиками, прибегали к услугам печати. В одной из статей Скрябины подсчитали свои убытки от незаконной ловли рыбы: «Фактически знаем, что на все наши озера выезжает только с удочкой (кроме неводов и других снастей) не меньше 300 человек. Если допустить, что эти 300 человек наудят только по 3 фунта каждый, то в день выловят 22 пуда 20 фунтов, а во весь зимний сезон, в 5 месяцев 3375 пудов. Между тем можно с уверенностью сказать, что каждый человек, средним числом, наудит не менее 20 фунтов, следовательно, увеличивая количество выуженной ими рыбы почти в 7 раз, получится больше 23 тысяч пудов; да, кроме того, ловят и летом»¹⁶. Несмотря на разные сложности, М. Н. и Г. Н. Скрябины продолжали заниматься рыбороторговлей почти до конца XIX в.

Занимаясь добычей золота и рыбороторговлей, Гавриил Николаевич не чурался и других предпринимательских начинаний, причем как сиюминутных, так и долговременных. Например, в 1899 г. Екатеринбургскому уездному земству срочно потребовалось сено. За его поставку взялся Г. Н. Скрябин, доставивший земству четь более 5059 пудов. Сделку трудно отнести к крупным: стоимость сена составила 657 руб. 76 коп.¹⁷ По-видимому, хитроумный купец придерживался известного правила про курочку, которая по зернышку клюет, но сыта бывает.

Впрочем, подобными операциями Скрябин не ограничивался. В начале XX в. он нашел для себя новое дело, открыв в Екатеринбурге в деревянном корпусе старого гостиного двора магазин шорных товаров. Большую часть товаров он закупал в Москве и на Ирбитской ярмарке. О поступлениях новых товаров регулярно сообщалось в местной прессе: «В магазине шорных товаров Гавриила Николаевича Скрябина вновь получены из Москвы: кучерские кафтаны, шляпы, кожаны и безрукавки. Английские, дамские, кавалерийские и казачьи седла и всевозможные шорные товары»¹⁸.

Став владельцем магазина, Г. Н. Скрябин старался идти навстречу желаниям покупателей. Он не только торговал готовыми изделиями, но и принимал заказы на разную продукцию. Одновременно купец заботился о пополнении ассортимента: «В магазине шорными товарами Гавриила Николаевича Скрябина имеются кучерские зимние и летние кафтаны, шапки, шляпы, перчатки оленьи, лосиные

и пуховые. Седла дамские, английские, кавалерийские французские и казацьи. Городские, загородные, ямские, троичные упряжи, целебные мази для лошадей»¹⁹. Магазин Скрябина был довольно популярным торговым заведением.

Для двух поколений купеческого рода Скрябиных характерно прохладное отношение к общественной деятельности. Так, они не участвовали в работе органов местного самоуправления, поэтому их невозможно найти среди земских и городских гласных. Деятельность общественных организаций большинство Скрябиных также не заинтересовала. Исключение составляет лишь Гавриил Скрябин, состоявший в ряде екатеринбургских самодеятельных обществ. В частности, он являлся действительным членом екатеринбургского отдела императорского православного Палестинского общества, общества попечения о начальном образовании в Екатеринбурге и его уезде, Екатеринбургского благотворительного общества и местного общества поощрения коннозаводства. Он также был почетным членом общества взаимного вспоможения приказчиков Екатеринбурга.

Сотрудничая с общественными организациями, Г. Н. Скрябин в основном ограничивался уплатой членских взносов. Исключение составляло только общество поощрения коннозаводства, с которым Гавриил Николаевич начал сотрудничать еще в конце XIX в. В его конюшне имелась неплохая лошадь Ураган, которую он на стыке столетий часто выпускал на бега на местном ипподроме, в основном как коренника в тройке. Так, Ураган принял участие в бегах 9 декабря 1900 г. В отчете о бегах писали: «Первым разыгрывается приз общества 75 руб. для троек одной масти. Дистанция 3 версты, приз этот оспаривали две лошади (коренники) “Колибри” Д. А. Ардашева и “Ураган” Г. Н. Скрябина. Первым к старту пришел “Ураган”, сделав дистанцию в 5 мин. 51½ сек., получил первый приз, вторым “Колибри” 5 мин. 54½ сек., второй приз»²⁰. Радость победы была слегка испорчена, так как скрябинского наездника В. Храбрых за неправильную запряжку лошадей оштрафовали на 10 руб. Г. Н. Скрябин мог бы гордиться победой еще больше, если бы знал, что его соперник Дмитрий Александрович Ардашев — двоюродный брат Владимира Ильича Ульянова-Ленина.

Известно, что фортуна — дама весьма капризная, поэтому Г. Н. Скрябин познал не только радость побед, но и горечь поражений. Так, 30 сентября 1901 г. его Ураган сделал проскачку и был убран из заезда, а победителем оказалась тройка все того же Д. А. Ардашева. Реванш, таким образом, состоялся²¹. К середине 1900-х гг. Гавриил Скрябин охладел к конному спорту.

19 мая 1914 г. болезнь почек свела его в могилу. У Г. Н. Скрябина было немалое семейство. Он был женат трижды. Его первая супруга Александра Михайловна умерла в 1876 г., тремя годами позже скончалась его вторая жена Евдокия Феокистовна. 17 января 1882 г. Гавриил женился в третий раз, его избранницей стала купеческая дочь Екатерина Дмитриевна Третьякова²². В трех браках у Скрябина родилось более десяти детей, часть из которых умерла в малолетстве. Сыновьям Г. Н. Скрябина история отвела слишком мало времени, чтобы они смогли проявить себя на предпринимательском поприще.

Вклад трех поколений рода Скрябиных в развитие экономики Урала сложно назвать очень значительным, но нельзя не признать, что они внесли свою лепту в развитие торговли и промышленности, прежде всего в рудопромышленность, добычу золота и платины.

Примечания

¹ *Микитюк В. П.* Источники пополнения екатеринбургского купечества во второй половине XIX — начале XX в. // Социокультурное пространство российской провинции: историческая память и национальная идентичность : сб. науч. материалов IX Междунар. Стахеев. чтений. Елабуга, 2019. С. 138.

² Вятские губернские ведомости. 1849. Ч. офиц. № 18. С. 145.

³ О вызове к выслушанию решения и прочтению записки // Пермские губернские ведомости. 1859. Ч. офиц. № 1. С. 3.

⁴ ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1905. Л. 221.

⁵ Там же. Ф. 24. Оп. 31. Д. 4045. Л. 66.

⁶ Пермские губернские ведомости. 1879. Ч. офиц. № 17. С. 89.

⁷ ГАСО. Ф. 24. Оп. 31. Д. 3638. Л. 104.

⁸ Пермские губернские ведомости. 1886. Ч. офиц. № 51. С. 212.

⁹ Там же. 1892. Ч. офиц. № 7. С. 27.

¹⁰ ГАСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 196. Л. 399.

¹¹ Там же. Л. 384.

¹² Из залы окружного суда // Екатеринбургская неделя. 1888. № 6. С. 131.

¹³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 31. Д. 4045. Л. 247.

¹⁴ Реестр делам, назначенным к слушанию в публичном судебном заседании уголовного департамента Казанской судебной палаты // Пермские губернские ведомости. 1885. № 72. С. 400.

¹⁵ Кыштымский завод // Екатеринбургская неделя. 1888. № 2. С. 36.

¹⁶ Екатеринбургская неделя. 1888. № 6. С. 139.

¹⁷ Сметы доходов и расходов Екатеринбургского уездного земства на 1901 год. Отчет Екатеринбургской уездной земской управы о движении денежных сумм и капиталов, бывших в ее распоряжении в 1899 году. Екатеринбург, 1901. С. 315.

¹⁸ Уральский край. 1907. 19 авг.

¹⁹ Уральская жизнь. 1909. 6 янв.

²⁰ Там же. 1900. 11 дек.

²¹ Там же. 1901. 4 окт.

²² ГАСО. Ф. 6. Оп. 9. Д. 798. Л. 105.